

ТАТЬЯНА
ГРАЧ

ВЕЛЕР
СЮГА
ЦИКЛ
ДВОЕМИРЬЕ

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
Г78

Грач, Т.

Г78 Ветер с юга / Т. Грач. — М. : Т8 Издательские технологии /
RUGRAM, 2023. — 344 с.

ISBN 978-5-521-90589-8

В мире, волей министерства поделенном магическим Барьером, приходится каждый день бороться за право быть собой, порой даже преступая закон.

Для шестнадцатилетней целительницы Лэнси побег через Барьер стал единственным шансом избавиться от клейма «ведьмы» и дочери изгоев. Когда неподалеку от деревни, где она живет, появляется раненный человек «с другой стороны», это навсегда меняет жизнь девушки. Станет ли таинственный перебежчик вестником надежды, или принесет только беды? Выяснить предстоит очень скоро.

УДК 82-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)
В1С FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90589-8

© Татьяна Грач, текст, 2023
© Kristi Zeyn, обложка, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Пролог

Нужно было действовать гораздо раньше. Еще десять лет назад, когда всем желающим выдали разрешение пересечь Барьер, наплевав на его хрупкое равновесие. Заложили тем самым бомбу замедленного действия. Он еще тогда уверял, что ни к чему хорошему это не приведет. Но разве кто-то стал слушать советов простого министерского стажера, только пришедшего на службу? Что ж, теперь получайте головную боль для всех.

Юдвин Гарр с силой стукнул по кнопке выключения голографического экрана. Картинка застыла над столом, будто желая еще хоть немного побыть немым укором. За то, что не был достаточно настойчив тогда. За то, что все еще сомневается, даже глядя на последствия только что закончившегося бунта.

Сквозь дым, охвативший площадь и ближайшие к ней улицы, можно было разглядеть бегущих людей, а скорее, нелюдей в надвинутых на лицо капюшонах.

Разбитые стекла витрин, оставшиеся после них.

Огонь пылающей моторки подсвечивает намалеванные черной краской на стене два пересекающихся круга.

Ссутулившийся подросток, прижав к себе сломанную руку, пытается скрыться за углом здания. Ему не повезло оказаться на пути. Как и многим другим, чьи судьбы были сломаны в одночасье по вине бунтовщиков.

Можно было бы съязвить: «Я же предупреждал», только какой в этом теперь смысл?

Гореть бы им в Преисподней! Всем им, так и не сумевшим освоиться на новой родине, но винящим в этом правительство. Приносящим одни лишь проблемы. Считающим, будто кто-то чем-то им обязан.

Почему бы переселенцам наконец не успокоиться и не смириться со своим положением? Для них и так сделали слишком много. Будь они прокляты!

Впрочем, даже если бы проклятья имели свойство сбываться, Юдвин был уверен: в глубинах Преисподней вовсе не огонь пылает. Там нестерпимо холодно, почти так же, как сейчас в его кабинете без окон, больше напоминающем бункер. Он зябко поежился.

— Включить обогрев, — проговорил осипшим голосом. Автоматическая система услужливо заметила:

— Обогрев на максимуме.

Тихое равномерное гудение, окутывающее весь кабинет, подтверждало это. Вместо видеозаписи над столом теперь висела привычная голограмма с изображением карты континента, поделенного Барьером на северную и южную части.

Взяв из ящика стола планшет с почти дописанным проектом улучшения системы защиты в стране, Юдвин еще раз пробежался по нему взглядом. Лишь после этого откинулся на спинку кресла.

На этот раз к нему прислушаются. Не смогут проигнорировать главу службы безопасности. Второй бунт, организованный еще лучше прошлогоднего — это уже не просто случайность, как бы остальным ни хотелось в это верить.

Он протер глаза, уставшие от мерцающего сине-зеленого света, окутывающего стену прямо за ним. Здесь, в министерстве, это была единственная замена солнцу. Своего рода подарок от Барьера, находящегося пятнадцатью этажами выше.

Барьер всегда был столь же щедр к людям, сколь и жесток. Позволил использовать свою энергию для создания всех благ цивилизации. Но за все приходится платить свою цену, какой бы высокой она ни была.

Например, не иметь возможности оказаться рядом с любимыми людьми, когда это необходимо больше всего. Раздававшаяся звонкая трель коммуникатора с высветившейся на экране надписью «Дом» быстро напомнила об этом.

Юдвин нацепил на себя самую приветливую улыбку, на которую был сейчас способен. Засветившаяся в воздухе голограмма жены посмотрела на него с укоризной.

— Так и знала, ты еще на работе, — покачала головой Нараяна. Выбившийся из прически золотой локон упал на лоб. Юдвин с удивлением заметил глубокие морщинки. Причуды игры света, или он раньше просто не обращал на них внимания?

— Извини, придется немного задержаться. Конец полугодия, сама понимаешь, — не замедлил соврать он. Незачем беспокоить ее рассказами о настоящих проблемах, которые приходится решать. Она и так грустная. Слишком грустная... — Что-то случилось?

— Хочу тебя видеть, — Нараяна вздохнула и отвернулась.

— Но ты и так меня видишь, прямо сейчас, — улыбнулся Юдвин.

— Хочу видеть тебя дома, хотя бы иногда, — проговорила она совсем тихо. — Мне кажется, тебе уже совсем не до нас.

— Глупенькая, зачем говоришь такие вещи? — мягко произнес Юдвин, пытаясь скрыть досаду. Как объяснить ей, что он делает все это в том числе ради них. Ради своей семьи, ради их спокойствия. Единственное, что он мог сейчас произнести: — Это ведь неправда.

— Тогда скажи, какой сегодня день? — Нараяна нахмурилась, и морщинки на лбу стали еще заметнее.

День как день, один из многих, какие уже были и еще обязательно будут. Однако от него явно ждали другого ответа. Какого именно, Юдвин не имел ни малейшего представления.

Секундного замешательства оказалось достаточно.

— Не помнишь, конечно, — фыркнула жена. — Очень на тебя похоже, позабыть о дне рождения собственного ребенка.

Несправедливость такого упрека обескуражила настолько, что Юдвин бросил взгляд на светящуюся под картой страны дату. Убедился, что не ошибся.

Зачем Нараяна это делает? Шутит? Но выглядит по-настоящему расстроенной, а притворяться совершенно не умеет. Решила устроить маленькую месть за то, что так редко видит его в последнее время?

— Милая, ты что-то перепутала, — процедил Юдвин. С трудом заставил себя говорить спокойно, размеренно.

На подчиненных этот тон всегда срабатывал безошибочно. — До дня рождения Зелле еще почти полгода.

— При чем тут наша дочь? — этот вопрос вызвал еще большее недоумение. Гнетущее чувство, что он никогда не сможет понять происходящее в голове жены, сдавило виски. — Если любишь меня, подумай еще раз, хорошенько.

— Ты прекрасно знаешь, что я терпеть не могу загадок, — это уже начинало порядком злить. Он ведь действительно не выносит загадок, если только они заданы не им самим.

— А наш малыш терпеть не может ждать, — пожалла плечами Нараяна. — Надеюсь, ты успеешь вернуться до того, как придет время укладывать его спать.

Юдвин вскочил бы, закричал «Прекрати!», только бы поскорей остановить этот странный разговор, от которого голова идет кругом. Лишь многолетняя привычка держать себя в руках не позволила этого сделать.

— Послушай, милая... — он сжал подлокотник кресла так, что тот жалобно скрипнул. На языке вертелось лишь «Хватит морочить мне голову!». У них нет и никогда не было сына. Мог бы быть, если бы не то нападение во время бунта в прошлом году. Ошибка, за которую теперь расплачиваются они оба. Думал, она смогла с этим справиться, но это была лишь видимость.

Нараяна говорила абсолютно серьезно. Только теперь он заметил позади нее мерцающий зеленый огонек круглого праздничного фонарика. Одного, как обычно зажигают на первый день рождения.

Лекарь предупреждал, что такое может случиться. Юдвин не хотел верить до последнего. Не замечал мелких странностей, считая их милыми причудами. Теперь это совсем не мило. Остается одно: выдохнуть и сказать достоверно, словно маленькому ребенку: — Я приду так скоро, как смогу, и мы вместе отметим, договорились?

Юдвин дождался утвердительного кивка и лишь после этого сбросил вызов. Вновь вернулся к планшету и на этот раз уже без всяких сомнений дописал:

«6.1. Обязать всех совершеннолетних переселенцев, а также всех членов их семей, достигших совершеннолетия, носить браслеты Контроля. Уклонившихся от исполнения этого закона считать преступниками и лишить всех прав».

Глава 1

10 лет спустя. Бейсиво

Порыв ветра сорвал с дерева пожелтевший лист, первый предвестник надвигающейся осени. А на южной стороне, говорят, не бывает ни осени, ни зимы. Врут, наверное. Лэнси поймала лист на лету и положила на шершавую ладонь, внимательно рассматривая кружевной рисунок. Такое хрупкое, нежное создание природы... и совершенно мертвое.

Лэнси сжала руку. Лист рассыпался золотистой пылью, которую ветер поднял вверх и развеял по лесу. Она не стала даже провожать его взглядом, вместо этого вернувшись к занятию, ради которого забралась вглубь леса в этот пред-рассветный час. Опустилась на колени у выпирающих из-под земли корней могучего каморника, поправила слишком длинную юбку и срезала маленьким складным ножичком переливающийся серебром мох.

— Потерпи, совсем чуть-чуть, ладно? — она провела рукой по месту среза, почти шепотом успокаивая дерево. — Скоро заживет, будешь как новенький. И тебе хорошо, и людям помощь.

Еще немного целебного мха было срезано с корней и отправлено в притороченную к поясу походную сумку. Лишь после этого Лэнси встала, погладила на прощание грубую, сморщенную от старости кору дерева.

— Спасибо, — уже чуть громче проговорила она. — Пусть будущей зимой твои сны будут сладкими. Такими же сладкими, какие дарит больным этот мох.

Если бы кто-то увидел, как девушка-подросток разговаривает с деревом в самой чаще леса, ее бы миглом определили в умалишенные. «Никто в здравом уме не стал бы сюда

забираться», — весело подумалось Лэнси. Впрочем, репутация ее в Приозерском поселении и без того была весьма своеобразной, вряд ли ее можно было чем-то испортить.

Зеленовато-синий свет Барьера, видимый сквозь деревья, начал бледнеть, и это заставило поторопиться. Вот-вот рассветет, а значит все начнут просыпаться. Нужно непременно успеть вернуться домой раньше. Она уже направилась к виляющей между деревьями тропинке, но заметила прячущийся в тени холмик, усыпанный редкой и ценной травой живокоста. Такой удачи Лэнси упустить не могла. Достала ножичек, но тут же вспомнила, как в прошлый раз по неопытности совсем затупила его о твердые стебли. Теперь она поступит умнее.

— Ох, прости, — Лэнси отдернула руку, поранившись о незаметные шипы. — Будь мягким, как ветерок, добрым, как солнечный лучик, поделись своей силой с теми, кому она так нужна. Пожалуйста.

Переломить стебель оказалось непросто. Слишком уж сильна воля к жизни у этого неприметного с виду растения, но именно из таких и получают самые действенные снадобья. Лэнси всегда это чувствовала. Еще ребенком умела определять, какие растения могут отдать свою силу для исцеления, и это отчего-то жутко злило бабулю. Пару раз Лэнси предлагала ей помочь полечить прихватившую спину, но больше нарываться на скандал и рисковать лишиться возможности заниматься любимым делом не хотелось. Пришлось научиться помалкивать.

Еще немного... едва слышный хруст возвестил об успехе. Лэнси перевязала собранную траву веревкой в пучок. Теперь можно, наконец, пойти к дому, хорошо знакомой короткой дорогой, напрямик. Добротный бревенчатый сруб, украшенный резными наличниками, гордость бабушки и повод для зависти соседей, стоял на самом краю поселения.

Солнце уже осветило своими лучами шпильи энергоприемников на крышах.

Дойти незамеченной Лэнси, однако, не удалось.

— Тетя ведьма, тетя ведьма, — от заставшего врасплох тоненького детского голоса она вздрогнула.

В следующую секунду пришло осознание услышанного.

8 «Ведьма, значит?» — Лэнси, конечно, догадывалась, что

между собой односельчане зовут ее вовсе не по имени, но чтобы вот прямо так? Она насупилась, состроила угрожающую гримасу и обернулась.

— Какая я тебе тетя? — сделать голос грозным, упереть руки в бока, и вот кудрявый мальчишка лет пяти испуганно отступает назад. — К твоему сведению, мне уже триста сорок восьмой год пошел.

— Э-эм... но... т-тогда кто... как... как мне называть? — еле выговорил мальчик, заикаясь.

«Повелительницей лесов, рек и прочей живности отсюда и до Дальнего моря», — мысленно потешалась Лэнси, а вслух произнесла, все тем же грозным тоном:

— Зови меня бабушкой, внучок, — однако дольше притворяться она не смогла и тихонько прыснула со смеху. — Ладно, на этот раз прощаю.

— Меня... — мальчик нервно сглотнул застрявший в горле комок. — Меня мама прислала.

— За сон-травой, знаю, — вытянув руку вперед, Лэнси выжидательно смотрела на мальчика до тех пор, пока тот не сообразил, чего от него ждут, и не засуетился.

— А, да... — он долго шарил в карманах штанов, пока наконец не извлек на свет горсть позеленевших от времени медяков.

Лэнси быстро пересчитала монеты, цокнула языком.

— Тут на десяток меньше, чем я говорила.

«И на восемнадцать меньше, чем мне осталось собрать на идентификатор», — добавила она мысленно. Больше трех лет копила на новое будущее, и вот, осталось совсем немного.

Мальчик замялся и, кажется, вот-вот готов был расплакаться.

— Это все, что у нас есть. Помогите, пожалуйста, тетя ве... — он осекся, не договорив.

— Что же мне с вами делать? — Лэнси в задумчивости покрутила между пальцами кисточку с пояса.

«Придется получить их с кого-то еще», — с досадой подумала она, а затем вернула одну монету мальчику.

— Передай маме, что даже при крайней нужде нельзя тратить последнее — плохая примета. Оставшуюся плату принесешь позже, когда будет возможность.

«Если, конечно, я все еще буду здесь». Времени оставалось катастрофически мало. Всего две декады до шестнадцатилетия, а потом... Лэнси даже думать не хотелось, что будет потом, однако страшная перспектива маячила впереди все яснее. Будто недостаточно ей пожизненного клейма дочери переселенцев, еще и этот закон.

«Нет, я должна успеть сбежать до того, как получу браслет Контроля», — она машинально потерла запястье, пока еще свободное, как и она сама. А после... Она отлично помнила, хоть и была тогда еще ребенком, как десять лет назад уводили переселенцев на принудительные работы. Остались лишь она и Рик. «Малявки» — так тогда назвал их гвардеец, лицо которого Лэнси пообещала себе запомнить на всю жизнь, но не сдержала обещания. А потом и Рик пропал, как только исполнилось шестнадцать.

Если бы только можно было навсегда остаться пятнадцатилетней.

— Подожди меня тут, — бросила Лэнси, поворачивая незаметный рычажок на раме, отпирающий окно. Забираясь в спальню, она быстро отогнала мимолетное чувство зависти к оставшемуся на улице мальчику.

Похоже, дом был не слишком рад ее возвращению и не замедлил это продемонстрировать: Лэнси зацепилась юбкой о подоконник, неловко повалившись на устланный плетеным ковром пол. Казалось, грохот должны были услышать по всей улице, не говоря уж о спящих за стенкой.

«Да знаю я, что надо было вернуться раньше, нечего ругаться», — мысленно проворчала Лэнси, глядя на недружелюбный подоконник. Замерла, вжала голову в плечи и прислушалась. Мгновение... еще одно... Вокруг по-прежнему сонная тишина. Лишь убедившись, что никто не идет к комнате с возмущениями, она позволила себе расслабиться и выдохнуть.

Отыскать что-то в тесной спальне среди разбросанных кофт, старых игрушек и книг было совершенно невозможно. Невозможно для любого, кроме самой хозяйки комнаты, которая именно на это и рассчитывала. Маленькая хитрость, которая не позволяет другим соваться, куда не просят.

Лэнси выдвинула из-под кровати сначала один тяжеленный чемодан со старыми, но непременно «нужными»